

Климова Елена

Кто ты, что смеешь говорить о стихах?

О литературной критике В. Брюсова и Н. Гумилева.

Я понял бы, если бы о моих стихах
высказался сурово... человек, знающий,
что такое стихотворение. Но какое мне
дело до не представившегося ругателя...?
Кто ты, что смеешь говорить о стихах?

«О рецензентах» В. Брюсов
[1, с. 23].

Традиционно Гумилева считают учеником Брюсова. Одни склонны видеть в нем всего лишь последователя, подражателя. Другие ограничиваются фразами о влиянии. По крайней мере, в поэтическом творчестве. В критике Гумилев также, казалось, продолжал линию своего учителя.

Поэты, критики, вожди литературных направлений, современники. Учитель и ученик. В их судьбе и творчестве много совпадений – даже на первый взгляд. Их биографии и стихи – об этом написано достаточно. Следующий шаг – это тщательное сопоставление и анализ их деятельности как критиков и теоретиков поэзии.

«...Критическое наследие Брюсова объемно и многообразно (более 600 статей и заметок написано им по разным поводам – от историко-литературных и стиховедческих трудов до беглых отзывов на произведения текущей литературы...)» [2, т.6., с.575]. В неопубликованной статье «Наши поэты»(1896г.) Брюсов писал: «... Я единственный настоящий читатель современных русских поэтов. В самом деле, я читаю всех – до поэтов «Родины» и даже до Ап. Коринфского включительно, – читаю стихи в журналах, в иллюстрациях и приложениях... – словом, все, что печатается стихами на русском языке.» [2, т.6., с.625].

Вклад Гумилева в русскую критику куда скромнее. Чуть больше сорока рецензий и статей, впоследствии составивших сборник, несколько – об изобразительном искусстве, прозе и драматургии, неопубликованные лекции и отрывки из неоконченной книги «Теория интегральной поэтики». Наиболее известны его «Письма о русской поэзии», охватывающие семь лет, от 1908 до 1915 года. Однако в это время «... лишь Брюсов мог конкурировать с ним на поприще создания своеобразной «энциклопедии» русской поэзии, которая выростала из рецензий о текущем литературном процессе...» [1, с.21]. Уже в 1923 году книгу оценивали как «важный исторический документ» [3, с.628].

Обратимся к самим рецензиям.

Его статьи «... отточенные, конструктивно выверенные, лаконически-сжатые, суховатые по стилю, «графические», всегда ясные и логичные, отчетливые по своим заданиям и целям, внешне сдержанные, но порой

язвительные, часто изящные, меткие и острые, блестящие всесторонней эрудицией – представляют собой явление большой культуры, интеллектуальной дисциплины и зрелого мастерства. Эти свойства их и, в частности, их компактность и сжатость дают основание считать их своеобразной разновидностью критической формы и выделить их на фоне сложившегося типа объемистых и обстоятельных критических работ, которыми заполнялись тогда русские журналы» [2, т.7., с.7]. Не зная, о ком идет речь, можно отнести эту цитату как на счет Гумилева, так и на счет Брюсова. По крайней мере, можно утверждать, что Гумилев продолжил линию Брюсова в критике.

Это можно подтвердить еще на одном примере. Свои взгляды на рецензии Брюсов излагал так: «Надо выбирать одно: или интересные рецензии, или рецензии об интересных книгах. ...Рецензия должна сама по себе представлять ценность и интерес...» [цит. по 1, с. 23]. Заметки Гумилева вполне соответствуют этому определению.

Также их объединяло отношение к поэзии как к мастерству. «Художник слова, как художник других искусств, как мастер кисти, как композитор, как скульптор, должен учиться *технике* своего дела» [2, т.6., с.166]. «Надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней в минуты творчества» [4, с.24]. Оба Мастера претворяли эти принципы в жизнь в своих статьях, трактатах, лекциях. Вспомним также «Цех поэтов» и многочисленные студии, где Гумилев учил начинающих поэтов «священному ремеслу».

Несмотря на то, что Брюсов достаточно негативно реагировал на акмеизм, считая его «...выдумкой, столичной причудой...ничем в прошлом не подготовленной...» [3, с.393], его взгляды на строение стихотворения вполне совпадают с «акмеистическими». Так, в статье 1923 года о Пушкине он пишет: «...у Пушкина достигнута полная гармония между содержанием, т.е. выражаемыми поэтическими идеями, и обеими сторонами формы, т.е. формой в смысле композиции и формой в смысле звукового построения... Самое же важное, что Пушкин умел не жертвовать ни одним из элементов поэзии ради другого. Он не поступался ни смыслом ради звуков, ни звуками ради смысла. То и другое было таким, каким он хотел, чтобы оно было» [2, т.6., с.147-148]. В одной из своих ранних статей Гумилев отмечает: «Каким требованиям должно оно <стихотворение – Е.К.> должно удовлетворять? Я ответил бы коротко: всем. В самом деле, оно должно иметь мысль и чувство..., стиль и жест. В стиле ...поэт дает самого себя.... Под жестом я подразумеваю... расстановку слов, подбор гласных и согласных звуков... Чтобы быть достойным своего имени, стихотворение, обладающее перечисленными качествами, должно сохранить между ними полную гармонию» [4, с.10]. В работе 1921 года он более четко сформулировал положения своей теории: «...Теория поэзии может быть разделена на четыре отдела: фонетику, стилистику, композицию и эйдолологию... Каждый из этих отделов незаметно переходит в другой... Разграничительных линий провести нельзя да и не надо. В действительно великих произведениях

поэзии всем частям уделено равное внимание, они взаимно дополняют одна другую». [4, с.27]

Попробуем теперь определить, к какому течению в русской критике они себя причисляли. Юрий Айхенвальд писал в 1911 году, что в какой-то момент «... критика потеряла критерий; она сделалась публицистикой», что «на время был заглушен настоящий, эстетический голос критики...».[5, с.ХІІІ] Брюсов называл сою критику именно «эстетической». [2, т.6., с.368] Гумилев говорил: «Знаете, еще недавно было два рода критиков; одни пили водочку...и презирали французский язык, другие читали Малларме, Метерлинка, Верлена и ненавидели первых за грязное белье и невежество. Так вот, честные народники – просто навоз, сейчас уже никому не нужный, – а из якобы «прогнивших» декадентов вышла вся сегодняшняя литература» [4, с.250]. Понятно, что Гумилев и Айхенвальд говорят об одном и том же. Также не трудно догадаться к кому именно причисляет себя поэт.

Кроме того, современники и более поздние исследователи выделяли еще как минимум две сходные черты в их рецензиях. Брюсов писал по поводу «Писем о русской поэзии»: «Да, это – критика импрессионистическая», считая эту черту недостатком [3, с.627]. Хотя впоследствии о статьях самого Брюсова писали, что «...импрессионистская стихия в какой-то мере проникала в его ...рецензии, внося в них элементы лирического стиля...» [2, т.6., с.328]. Уже Гумилев в своей заметке пишет, что «Брюсов – европеец, вполне и всегда, в каждой строчке своих стихотворений, в каждой своей журнальной заметке...» [4, с.105]. О Гумилеве писали в воспоминаниях, что он с истинно европейским упорством взялся за русскую поэзию, как «...совсем не русский по духу...» [4, с.250].

Разумеется, имеются и различия. Гумилева нельзя обвинять в копировании чужих статей, их идей и стиля хотя бы потому, что разница состоит, на мой взгляд, в главном. Их заметки были написаны с разными целями. Авторы ставили перед собой разные задачи.

Целью критики по Айхенвальду, является «истолковывать художника», т.к. «в противоположность писателю с его преимущественной бессознательностью критик преимущественно сознателен...» [5, с.ХІІІ]. Брюсов считал, что дело критика - «постигнув душу художника, воссоздать ее, но уже не в мимолетных настроениях, а в тех основах, какими определены эти настроения». [2, т.6., с.18] Но «...в сущности, понятия критик и читатель синонимичны». [5, с.ХVІІ]

Вернемся к нашему эпиграфу. Критику не поэта, не писателя считали несостоятельной. То есть мнение простого читателя как бы не существует. С другой стороны, большинство литературных произведений обращено к широкой аудитории, и беседа с избранными не входит в планы писателей. Тут было два пути: или поэтам снизойти до уровня толпы, или... Конечно, всех поэтами не сделаешь, а вот научить понимать поэзию можно. Этим-то трудным и неблагодарным делом и решил заняться молодой Гумилев.

Одоевцева вспоминала, что «формирование нового читателя» было давнишней его мечтой в 1920 году. Хотя он и утверждал, что поэтами

рождаются, в одной из бесед с В. Немировичем-Данченко он говорил: «Каждый человек поэт. Кастальский источник в его душе завален мусором. Надо расчистить его». Этим он и занялся, вернувшись в Россию в 1918 году: лекции в «Институте живого слова», во «Всемирной литературе», «Институте Истории искусств», в «Доме искусств», курсы «Драматургия» и «Практические занятия по поэтике», литературные студии Пролеткульта, для моряков Балтфлота и занятия в коммуне милиционеров, «Студия поэзотворчества», новый «Цех поэтов», студия «Звучащая раковина»... По утверждению современников, эффективность всех этих многочисленных студий была невелика, т.е. поэтами становились далеко не все их участники. Скорее наоборот. Но считал ли Гумилев своей задачей превращение всех желающих в поэтов? Еще в 1906 году он писал Брюсову «... мне казалось, что лучше отказаться, чем брать работу, не соответствующую моим силам» [6, с.162]. Характерным, на мой взгляд, является следующий эпизод. В студии «Звучащая раковина» на всех занятиях присутствовала Александра Федорова, которая не писала стихов, а была одноклассницей одной из сестер Наппельбаум. Гумилев не возражал, утверждая, что из нее выйдет «идеальный читатель», т.е. знакомый со всеми тонкостями поэзии. (Стоит заметить, что так и получилось. Став впоследствии женой Константина Вагинова, она была его главным помощником и советчиком.) [7, с.181].

Также немаловажным представляется то, что свою книгу по поэтике Гумилев планировал начать статьей «Читатель». Там он пишет: «...Ни для кого, а тем более для поэта не тайна, что каждое стихотворение находит себе живого реального читателя среди современников, порой потомков. Этот читатель отнюдь не достоин того презрения, которым так часто обливали его поэты. Это благодаря ему печатаются книги, создаются репутации, это он дал нам возможность читать Гомера, Данте и Шекспира ». Далее он говорит о целях и задачах книги: «Неисчислимы руководства для поэтов, но руководств для читателей не существует. Поэзия развивается, направления в ней сменяются направлениями, читатель остается все тем же, и никто не пытается фонарем познания осветить закоулки его темной читательской души. Этим мы сейчас и займемся.» [4, с.22]. Хотя эта книга «...не научит писать стихи, подобно тому, как учебник астрономии не научит создавать небесные светила.» [4, с.24] Задачей поэзии, ее мировым назначением он считает «облагораживание людской породы». Но это возможно лишь тогда, когда существует совершенно особый тип читателя – читатель-друг. «Этот читатель думает только о том, что ему говорит поэт, становится, как бы написавшим данное стихотворение... Он переживает творческий миг во всей его сложности и остроте, он прекрасно знает, как связаны техникой все достижения поэта и как лишь совершенства являются знаком, что поэт отмечен милостью Божией... Прекрасное стихотворение входит в его сознание как непреложный факт, меняет его, определяет его чувства и поступки.» [4, с.24]. Гумилев был настроен вполне оптимистично. Он считал,

что «...если бы не человеческое упрямство и нерадивость, многие могли бы стать такими». [3, с.24]

Уже в первых его рецензиях заметна эта тенденция. Поэтов он учил ремеслу, читателей – понимать поэзию. Так, один из попавших в гумилевские обзоры – Д. Святополк-Мирской, – замечал, что «...рецензии раннего Брюсова были поразительно скупы на конкретные указания (большая разница с Гумилевым)» [цит. по: 4, с.250]. В самих рецензиях обращение к читателю создает ощущение не монолога, не высказывания своего мнения, но диалога, объяснения, почему следует считать именно так. Автор пытается ответить на возможные вопросы.

«...почему о нем хочется думать и говорить? Потому что у его творчества есть мотивы, и эти мотивы воистину глубоки и необычны...» [4, с. 39].

«...Читатель останется недоволен моей рецензией. Ему непременно захочется узнать, хвалю я или браню Андрея Белого. На этот вопрос я не отвечу. Еще не наступил час итогов...» [4, с.40].

«...Если бы и Рославлев отказался от пагубной мысли домашними средствами разрешать мировые вопросы, черпая свои познания по философии из стихов Бальмонта, если бы он перестал говорить общие места о Городе и Дьяволе, если бы он постарался развить свой вкус, – он был бы поэтом...» [4, с. 60].

«...Пренебрежение к глаголам - вот что делает его последние стихи мертвенными и неподвижными, потому что поэзия есть мысль, а мысль - прежде всего движение...» [4, с. 68].

Интересно также и то, что в некоторых рецензиях Гумилев обращается то к самим поэтам, то к читателям: «...Размеры выдержаны, рифмы тоже. Эпитеты случайны и однообразны. А. Конге, очевидно, предпочитает Блока, М. Долинов – Брюсова. Это для читателей. Для авторов, можно только посоветовать им постараться пробудить в себе поэтов, которых пока не видно...»[4, с. 90]; «...Впрочем, эти страхи не должны касаться читателя, и, говоря о Бальмонте, критик всегда идет на риск по пасть впросак...» [4, с. 95].

Как Учитель Гумилев занимает принципиально иную позицию по отношению к молодым поэтам, чем Брюсов. В 1910 – 1911 годах оба критика разбирали сборники молодых поэтов. В чем-то их статьи очень похожи. И у одного и у другого есть «рабочие гипотезы», причем весьма сходные. Гумилев делит авторов то на «любительские, дерзающие и книги писателей» [4, с.72], то на «способных, одаренных и талантливых» [4, с.80], подробно объясняя, что он под этим подразумевает. Брюсов не формулирует настолько четко, но и у него присутствует некое подобие классификации. Это «уже установившиеся поэты», «поэты-любители», «сплошь банальные...книги» и «книги...написанные людьми, которые относятся к поэзии серьезно». [2, т.б., с.357]. Характерно, что Гумилев в своей первой статье на эту тему подвергает тщательному разбору 16 из 20 книг, тогда как Брюсов – 16 из 30.

Для Гумилева очевидно, что «...молодым писателям необходимо отмежеваться от тех, кого ошибочно считают или могут считать их

единомышленниками...» [4, с.75], и он не устает уделять внимание каждому, кто показался ему таковым. Брюсову же довольно быстро надоедает давать советы начинающим: «...это какой-то потоп стихов, в котором тонет молодая литература! ...Что говорить о стихах А. Рудновской, Н. Реуло...что их стихи бледны, скучны, подражательны? Но их все равно никто не читает. Давать советы, учить их? Но если бы даже они *могли* научиться правильно писать стихи, на что и кому это нужно? Guarda e passa (Взгляни и проходи мимо – итал.)...» [2, т.б., с.367] Так он и поступал в дальнейшем – почти не писал подобных рецензий.

Таким образом, при детальном и тщательном прочтении заметок двух поэтов-критиков становится очевидным принципиальное отличие их методов и целей. В то время как Брюсов писал для избранных, Гумилев занимался «формированием нового типа читателя», способного понимать поэзию. В этом он видел смысл критики, а также и работы в многочисленных поэтических студиях и кружках после революции, для этого писал свою «Теорию интегральной поэтики».

Цитированная литература

1. Клинг О.А. Русская поэзия начала XX в. в оценке Гумилева-критика // Науч. докл. высш. шк. Филол. Науки. – М., 1998. – №4. С. – 21-28.
2. Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. - М., 1975.
3. Брюсов В.Я Среди стихов. 1894-1924 М., 1990.
4. Гумилев Н.С. Собр. соч.: В 3 т. -. М., 1991. - Т.3
5. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. [Предисловие к 3-му изданию книги] - М., 1911.
6. Гумилев Н.С. В огненном столпе. - М., 1991.
7. Жизнь Николая Гумилева в воспоминаниях современников. - М., 1991.